

Лутфуллина Гюльнара Фирдависовна, Марзоева Ирина Владимировна

**ПОТЕНЦИАЛ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СКАЗУЕМОСТИ В
ВЫРАЖЕНИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИМЕННОЙ ГРУППЫ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ**

В данной статье две морфологические категории татарского языка анализируются с точки зрения их влияния на референциальный статус именной группы в свете концепции невозможности выражения пространственной референции именными категориями. Обе категории признаются неспособными детерминировать определенный референциальный статус и допускающими возможность неререференциального статуса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/2/31.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (20). С. 128-131. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Бабина Л. В., Дьякова Л. Ю.** Исследование семантики сложных слов V+N в рамках когнитивного подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2012. № 1 (12). С. 11-13.
2. **Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.** Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984. 1328 с.
3. **Карасик В. И., Слышкин Г. Г.** Базовые характеристики лингвокультурных концептов. Антология концептов. Волгоград: Парадигма, 2005. Т. 1. 352 с.
4. **Лату М. Н.** Отражение преемственности научного знания при создании единиц специализированной лексики // Молодой ученый. Чита, 2011. № 10 (33). Т. 2. С. 18-21.
5. **Маковский М. М.** Индоевропейская этимология: предмет – методы – практика. М.: Либроком, 2009. 352 с.
6. **Попова З. Д., Стернин И. А.** Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007. 314 с.
7. **Этимологический словарь современного русского языка:** в 2-х т. / сост. А. К. Шапошников. М.: Флинта; Наука, 2010. 584 с.
8. **Algeo J., Pyles T.** The Origins and Development of the English Language. Wadsworth Publishing, 2010. 368 p.
9. **Chambers dictionary of etymology** / ed. by Robert K. Barnhart. Edinburgh: The H.W. Wilson Company, 2008. 1284 p.

**REPRESENTATION OF COMMON AND MYTHOLOGICAL KNOWLEDGE IN
CONCEPTUAL RELATIONS OF PROTO-INDO-EUROPEAN PICTURE OF THE WORLD
(BY THE EXAMPLE OF CONCEPTS “VISION”, “CATTLE”)**

Maksim Nikolaevich Latu, Ph. D. in Philology
Department of West-European Languages and Cultures
Pyatigorsk State Linguistic University
Laatuu@yandex.ru

The author reconstructs the conceptual relations within the framework of individual fragments of proto-Indo-European picture of the world basing on the semantics of proto-Indo-European roots derivatives and their meanings, considers the features of conceptual relations representation, which reflect both common and mythological knowledge on language level, by the example of concepts VISION and CATTLE describes conceptual relations, preserved and lost in cognitive and language pictures of the world, and also describes some features of elements perception, their interaction and categorization reflected in proto-Indo-European language.

Key words and phrases: picture of the world; proto-Indo-European language; cognitive relation; concept; common knowledge; mythological knowledge; concept VISION; concept CATTLE.

УДК 811.512.145

Филологические науки

В данной статье две морфологические категории татарского языка анализируются с точки зрения их влияния на референциальный статус именной группы в свете концепции невозможности выражения пространственной референции именными категориями. Обе категории признаются неспособными детерминировать определенный референциальный статус и допускающими возможность неререференциального статуса.

Ключевые слова и фразы: референция; именная группа; грамматическая категория; принадлежность; сказуемость.

Гюльнара Фирдавиевна Лутфуллина, д. филол. н., доцент

Ирина Владимировна Марзоева, к. филол. н.

Кафедра иностранных языков

Казанский государственный энергетический университет

glutfullina@mail.ru

**ПОТЕНЦИАЛ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И СКАЗУЕМОСТИ
В ВЫРАЖЕНИИ РЕФЕРЕНЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ИМЕННОЙ ГРУППЫ
В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ[©]**

Татарский язык характеризуется явлением агглютинации. Агглютинация – это способ слово- и формообразования, при котором к основе или корню, в преобладающем количестве случаев сохраняющему стабильный звуковой состав, присоединяются однозначные стандартные аффиксы. Аффиксы следуют один за другим в определенной иерархической последовательности. Фиксированный порядок расположения аффиксов относительно корня и невозможность их перестановки определяют строгие правила позиционного следования

аффиксов в агглютинативных языках. В данных языках парадигма склонения более регулярна и разнообразна и характеризуется гапloseмией («простозначностью») морфологических показателей [10, с. 527-529]. Изменяемость состава аффикса (алломорфирование) происходит в актах деривации. Корень слова, не будучи отягощен классными показателями (классного деления имен существительных в тюркских языках нет), в именительном падеже может выступать в чистом виде, благодаря чему становится организующим центром всей парадигмы склонения. В тюркских языках к имени присоединяется в первую очередь аффикс множественного числа, затем притяжательный аффикс, затем падежный. Например: *ата-лар-ыбыз-га*. Структура слов прозрачна, так как границы морфем отчетливы, на стыках морфем, как правило, не возникает значительных звуковых изменений.

Таким образом, исходя из общей структурно-типологической организации татарского языка, можно сказать, что синтаксическая актуализация имени существительного происходит благодаря его морфологической форме.

Категория принадлежности

В самом общем виде посессивность дефинируется как такое отношение между объектами экстралингвистической действительности, при котором один из них вбирается в другой, образуя вкуче с ним единое физическое или функциональное целое. Обладателя принято называть посессором, а обладаемое — коррелятом посессивного отношения. Посессора принято рассматривать вместе с коррелятом, и в этих случаях говорят о посессивной конструкции [11, с. 8]. Категория посессивности выражается посредством притяжательных прилагательных, родительного падежа существительных, притяжательных местоимений [3, с. 116] и других языковых средств. В диссертационной работе А. Ш. Исмаиловой приводится перечень, согласно которому семантическая сфера посессивности включает 14 видов выражаемых в языке отношений принадлежности [4, с. 13].

В татарском языке значение предметности, свойственное существительным, грамматически представляется морфологическими категориями посессивности, падежа и числа, сказуемости. Отношения принадлежности между именами существительными выражаются соответствующим падежом и изафетом 3. Категория личной или персональной принадлежности в татарском языке связана с категорией лица или с понятием персонального дейксиса, т.е. присутствует указание на посессивность, производную от личных местоимений. Категория принадлежности выражается либо специальными аффиксами, либо притяжательными местоимениями. Аффиксы принадлежности выражают посессивность по схеме: личное местоимение $\leftarrow \rightarrow$ имя существительное, например, *алмагач-ым: мин $\leftarrow \rightarrow$ алмагач*.

Основная функция аффиксов принадлежности заключается в контекстуальной субстантивации частей речи: *Аһардан кавап алгач, икенче кешегә кучте, аннан ыченчесенә, дһртенчесенә.../ Получив от него ответ, он перешел ко второму, затем к третьему, четвертому* [5, с. 54]. Категория личной принадлежности придает существительным **оттенок определенности**: существительное с аффиксом притяжательности в функции прямого дополнения обычно оформляется винительным падежом. Аффикс принадлежности, как правило, следует за аффиксом числа. Существуют три способа выражения принадлежности 1 и 2 лицу: 1) *краватлар-ыбыз / кровати (+ наши)*, 2) *безнең краватларда / наши кровати* – разговорный, 3) *безнең краватлар-ыбызда / на наших кроватях (аффиксы мн. ч. и падежа)* – письменный; и три способа выражения принадлежности 3 лицу: 1) *аларның крават-ы / их кровати*, 2) *краватлар-ы / кровати (+ их)*, 3) существительное в притяжательном падеже: *балалар-ның краватлар-ы / кровати детей*. Изафет 2 и изафет 3 образуются с помощью аффиксов принадлежности: изафет 2 – *бала уен-ы / игра ребенка* – отношение; изафет 3 – *бала-ның уен-ы / детская игра*, – притяжательность [9, с. 31-37].

Отношения персональной принадлежности не могут однозначно выражать референтность даже при учёте дейктичности местоимений, от которых они производны. При репрезентации конкретной принадлежности неопределённая множественность имени существительного может нейтрализовать референтность именной группы (далее ИГ): *ыйем / мой дом – ыйлһрем / мои дома*. В случае единичности принадлежащего объекта возможна нейтрализация его референтного статуса даже при выражении посессивности: *укучыбыз / наш читатель*. Данная ИГ может иметь родовой нереферентный статус.

(1) *Миллһтһиһлһребездә* шаян-тапкырлар клубына карата яңьдлһргә хас игътибар юк, – ди ул / Наши земляки не проявляют внимания к самостоятельности, разве что к «Клубу веселых и находчивых», – говорит он [12, с. 3].

(2) *Тиздһн салкын кыш ытһр. Зһнгһр кыктә язгы кояш балкыр. Кылы киллһр исә башлар. Сьекле сыерчыкларыбыз килер / Вскоре холодная зима пройдет. На небе заблещет весеннее солнышко. Подуют теплые ветры. Наши любимые скворцы прилетят* [6, с. 124].

(3) *Укучыларыбыз аларның китапларын кьтеп ала, яратып укый, шул китаплар аша дльняны танырга, матур белһн ямьсезлекне аерырга лйрһнә / Читатели с нетерпением ждут их книги, с большим желанием их читают, через эти книги они учатся познавать мир, различать добро и зло* [2, с. 6].

Субъектная ИГ (2), (3) и объектная ИГ (1) с аффиксом принадлежности имеют нереферентный общеэкзистенциальный статус. Таким образом, данные примеры демонстрируют возможность реализации общеэкзистенциального нереферентного статуса ИГ [7, с. 161] аффиксами принадлежности в составе имен существительных, хотя это и не является основной функцией данной категории.

Категория сказуемости

Категория сказуемости служит основным способом выражения предикативности, которая выступает ведущим признаком предложения. В татарском языке имеет место следующий вариант параллелизма: аффиксы

существительного материально совпадают или генетически общи с показателями лица субъекта. Рассматриваемые личные показатели в зависимости от характера конструкции всего предложения указывают на подлежащее. Данные форманты сохраняют очевидную генетическую связь с личными местоимениями. Интересующие нас личные показатели в татарском языке органически входят в состав именного слова, подчиняясь законам сингармонизма. Данная категория свидетельствует о происшедшем в татарском языке процессе проникновения формального показателя предикативности в именное слово, т.е. о формировании личных форм спрягаемого имени на базе категории сказуемости в сочетании с личными аффиксами [8, с. 111]. Проводя последовательное сравнение реализации категории сказуемости в башкирском языке с аналогичными единицами родственных тюркских языков, Г. Р. Абдуллина предлагает следующую классификацию типов сказуемости в башкирском языке: а) морфемного; б) морфемно-синтаксического; в) синтаксического [1, с. 114].

Данная категория наряду с принадлежностью связана с категорией лица или с понятием персонального дейксиса, т.е. репрезентирует посессивность, производную от личных местоимений. На семантическом уровне, речь идет о принадлежности определенной категории людей *һнилһрбез* или профессиональной принадлежности *тльзьчелһрбез*. Аффиксы сказуемости выражают персональную посессивность по схеме: личное местоимение $\leftarrow \rightarrow$ имя существительное в синтаксической функции предиката, выражающее профессию или другой признак по роду деятельности, например, *тльзьчелһрбез: без / мы $\leftarrow \rightarrow$ тльзьчелһр / строители*. Данный тип отношений персональной принадлежности не может участвовать в выражении референциального статуса ИГ даже при учете дейктичности местоимений.

Аффикс данной категории прибавляется к существительным, обозначающим профессию, род занятий лица, и представляет собой категорию лица-числа:

<i>Мин эшчмен / Я рабочий</i>	<i>Без эшчебез / Мы рабочие</i>
<i>Син эшчесен / Ты рабочий</i>	<i>Сез эшчесез / Вы рабочие</i>
<i>Ул эшчедер / Он рабочий</i>	<i>Алар эшчелһрдер / Они рабочие</i>

(4) Без *тльзьчебез* цһм ызебезнеһ эшебезне бик яратып башкарабыз / Мы – строители, и свою работу выполняем с радостью.

(5) *Мин укучьмын*, мин белем алырга тырышам / Я ученик, я хочу получать знания.

(6) Без *тльзьчебез* цһм кешелһргһ яһа лыйлһр тльзибез / Мы – строители, и наша задача – строить новые дома для людей.

В данных примерах происходит дублирование личного местоимения 1 и 2 лица единственного и множественного числа соответствующими аффиксами категории лица-числа. Имена существительные с аффиксом сказуемости выполняют синтаксическую функцию предикатива, т.е. обладают временной референцией. Таким образом, на уровне поверхностных структур отмечается плеоназм, отсутствующий на уровне глубоких структур. В случае рассмотрения именной группы с аффиксом сказуемости как уточняющего дополнения, можно описать ее пространственный референтный статус следующим образом. Личные местоимения множественного числа предполагают ассоциативную совокупную множественность, не только включающую говорящего или слушающего, или иного третьего лица, но и всех представителей данной профессии, т.е. реализуется общеэкзистенциальный нереферентный статус (4), (6). Личное *я* говорящего растворяется в совокупности (4), (6). Личные местоимения единственного числа предполагают ассоциацию говорящего или слушающего, или иного третьего лица, с другими членами совокупной множественности, представителем которой они себя позиционируют. В данном случае *я* говорящего или *вы* слушающего, или *он*, иного третьего лица, являясь пространственным дейксисом, реализует родовой нереферентный статус именной группы, т.е. репрезентирует типичного представителя (5). Данные примеры наглядно иллюстрируют, что категория сказуемости не выражает референциальный статус ИГ, так как имя существительное с данным аффиксом выступает в роли предикатива и определяется временной референцией.

Таким образом, в татарском языке референциальный статус именной группы определяется морфологическими средствами, коими являются категории падежа, принадлежности и сказуемости имени существительного. Имена существительные с аффиксами принадлежности могут реализовывать общеэкзистенциальный, родовой и универсальный нереферентные статусы ИГ, хотя это и не является основной функцией категории принадлежности. Категория сказуемости исключает выражение пространственного референциального статуса ИГ, так как имя существительное с аффиксом сказуемости выступает в роли предиката.

Список литературы

1. **Абдуллина Г. Р.** Категория сказуемости в башкирском языке // Научная мысль Кавказа. Ростов на Дону: Южный федеральный университет, 2008. Т. 3. С. 112-116.
2. **Балачак Һнилһре:** Библиографик белешмәлек. Казан: МҺгариф, 2002. 223 б.
3. **Вязовик Т. П.** К вопросу о грамматическом значении местоимений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 4 (15). С. 114-119.
4. **Исмаилова А. Ш.** Именная категория принадлежности кумыкского языка в сопоставлении с английским: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2004. 42 с.
5. **Кутуй Г. Н.** Тапшырылмаган хатлар. Казан: МҺгариф, 1994. 100 б.

6. Нурева А. Х. Татар теле. Рус мѣктѣплѣренѣ 2 нче сыйныфында укучы татар балалары лѣчен дѣреслек. Казан: Мѣгариф, 1994. 176 б.
7. Падучева Е. В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью: референциальные аспекты семантики местоимений. М.: Эдиториал УРСС, 2002. 340 с.
8. Пестов В. С. Категории лица, сказуемости и предикативности в языке кечуа // Вопросы языкознания. М., 1983. № 1. С. 108-112.
9. Татарская грамматика. Морфология. Казань: Магариф, 1997. Т. 2. 398 с.
10. Тюркские языки // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.
11. Ушакова А. П. Грамматические формы категории принадлежности в русском и сербском (сербохорватском) языках: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Челябинск, 2011. 45 с.
12. Хусанов И. Г. Шаян-тапкырлар клубына // Шѣдри Казан. Казань: Магариф, 2007. № 166.

POTENTIAL OF MORPHOLOGICAL CATEGORIES OF BELONGING AND PREDICATIVENESS IN EXPRESSION OF NOMINAL GROUP REFERENTIAL STATUS IN THE TATAR LANGUAGE

Gyul'nara Firdavisovna Lutfullina, Doctor in Philology, Associate Professor
Irina Vladimirovna Marzoeva, Ph. D. in Philology
Department of Foreign Languages
Kazan' State Power Engineering University
glutfullina@mail.ru

The authors analyze two morphological categories of the Tatar language in terms of their influence on the referential status of nominal group in the light of the conception of impossibility to express the spatial reference by means of nominal categories, and substantiate that both categories are unable to determine the specific referential status and leave open the possibility of non-referential status.

Key words and phrases: reference; nominal group; grammatical category; belonging; predicativeness.

УДК 81'255.4

Филологические науки

Статья раскрывает понятие двуступенчатого эпитета в рамках парадигматической семасиологии, а также способы его перевода с английского на русский язык. Материалом для анализа являются эпитеты, отобранные из произведений классической англоязычной литературы. Основная задача исследования заключается в том, чтобы показать, сохраняются ли метафорические отношения в структуре эпитета при его передаче на русский язык. Описываются осуществленные способы структурно-семантической трансформации, достигнутый экспрессивный результат и полученный в результате перевода стилистический эффект.

Ключевые слова и фразы: двуступенчатый эпитет; семантические отношения; метафора; структурно-семантические преобразования.

Ольга Леонидовна Любовская

Кафедра английской филологии и перевода
Санкт-Петербургский государственный университет
lyubovskaya@yandex.ru

МЕТАФОРИЧЕСКИЙ ДВУСТУПЕНЧАТЫЙ ЭПИТЕТ И СПОСОБЫ ЕГО ПЕРЕВОДА С АНГЛИЙСКОГО НА РУССКИЙ ЯЗЫК®

В широкой трактовке понятие «эпитет» представляет собой вид тропа, поэтического, художественного определения. Исследование лингвистической природы эпитета предполагает учет комплекса показателей, охватывающих разные его аспекты, такие как семантика, структура, степень освоенности, количественный показатель, стилистическая окраска и образный потенциал. Этот ряд проблем отражается в специальных работах, посвященных определению понятия «эпитет», выявлению его лингвистической природы и созданию классификации эпитета [3, с. 67-71; 4, с. 527; 6, с. 139-141; 13, с. 177-179]. Особое внимание заслуживает работа Ю. М. Скребнева, чья классификация позволяет вскрыть «гибридную», по выражению ученого, сущность эпитета как выразительного стилистического средства, так как эпитет обладает, с одной стороны, семасиологическими характеристиками и может быть интерпретирован как «фигура замещения», обладая признаками, например, метафоры, метонимии или иронии, а с другой стороны, связан с категорией синтаксиса, выступая в функции определения [17, с. 100]. Таким образом, эпитет, с одной стороны, может рассматриваться как часть парадигматической стилистики, а с другой – как часть синтагматической стилистики.